

«Чтобы помнили»

Наша победа!

Выполнила: студентка 290^А гр.
Наянова Дарья

*«За все прекрасное
земное,
За мир, в котором я
дышу,-
Не только гениям,
героям
я благодарность
приношу»*

В начале 60-х годов, после затопления водами Братского водохранилища многих ангарских деревень, в Куватку съехались на житьё крестьяне этих деревень. Здесь поселилось более 50 семей ветеранов Великой Отечественной войны. Наша деревня гордилась своими ветеранами. Но из всех ветеранов, мой дедушка оставался последним и сейчас я вам о нем расскажу.

*Панов Пётр
Иванович
03.07.1922-13.06.2011*

В семье Пановых прибавление, быстро облетела Балю- маленькую деревушку в 30 дворов. Это был пятый ребёнок в семье, мальчик. Вечером с работы вернулся домой отец Иван. Он наклонился над малышом и, на зависть старшим детям, костлявыми пальцами осторожно потрогал его невесомые волосики. Это был первый день жизни Панова Петра Ивановича, 3 июля 1922 года.

Семья Пановых была небогатой. Мать работала в колхозе. Прокормить большую семью в колхозе становилось всё труднее, и Иван уехал в Заярск. Устроился там работать старшим конюхом, вскоре перевёз из Бали семью. Страшное слово "ежовщина" не обошло стороной Пановых. Отец до последних дней жизни так и не понял, за что его посадили, да притом дважды. В 38 году его отпустили, Пётр за год до этого отучился в вечерней школе, его приняли в механический цех сначала учеником слесаря, потом учеником токаря. После возвращения отца, семье показалось, что всё наладится, но отца снова забрали, а семья вернулась в Балю. Шёл 39 год. Петра по приписке райвоенкомата назначили ликвидатором в вечернюю школу. До самой войны обучал он грамоте односельчан. Тот день мало, чем отличался от остальных... Вдруг, крики и плач заставили Петра выбежать на улицу. У конторы толпились люди. Среди них он увидел постаревшую и как-то сразу осунувшуюся мать. Война...

Проводили на фронт Ивана(танкист) и Виктора (старшие братья). Иван был отправлен на запад, а Виктор - на восток. Петра на фронт не взяли, наложили бронь. Колхозу нужен был кузнец, и больше года он правил сенокосилки, жатки. Часто, глядя на женщин, Пётр удивлялся, откуда они берут силы, ведь свою работу делают и мужиков, ушедших на фронт, заменили. Больше других девушек приглянулась ему Луша Панова. Высокая, стройная, тёмные, красивые волосы сплетены в косу. Работать умела так, что нельзя не залюбоваться, а уж пела так, что голос её Пётр из тысячи голосов узнал бы. Но не до любви в ту пору было молодёжи. Шла война. В 42 году с Петра сняли бронь, и 5 сентября он ушёл служить...

Вначале он попал в Иркутск, а оттуда в Монголию, где в составе отдельной зенитной огневой точки прослужил 4 месяца. Никто не сможет о человеке рассказать лучше, чем он сам. В повседневной жизни он мало рассказывал о войне, эти воспоминания были для него болезненными, много крови, слёз, бед, смертей пришлось повидать. Свое первое ранение Петр получил 14 октября, когда шли бои на Гомельском направлении. Кругом разрывы снарядов, немцы стреляют так, что головы не поднять. Много ребят наших тогда полегло. Убило и командира. Вот и принял Пётр командование взводом на себя. Выскочил из траншеи. Вокруг крики: "Панов, в траншею!" Не помнит Пётр, как в траншею спрыгнул. Ранило его тогда в ногу крепко. Помнит только, что дополз до воронки, а уж там его наши бойцы подхватили, да в медсанбат отнесли.

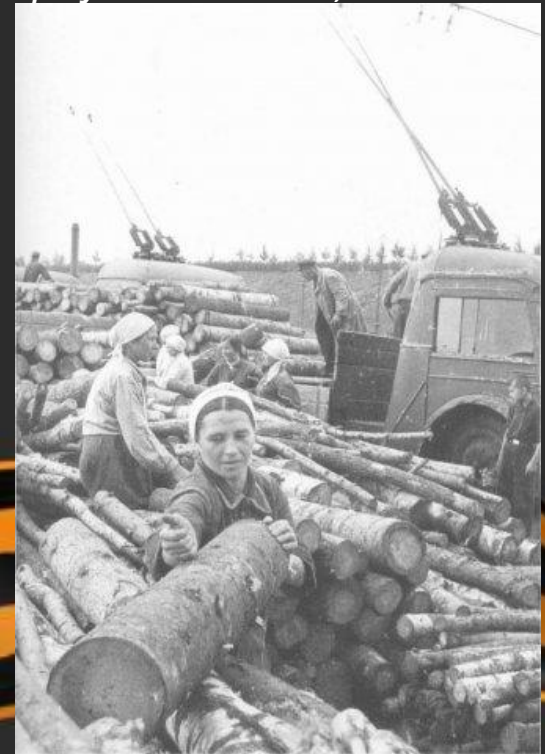
В полевом госпитале ему сделали операцию, но неудачно. Отправили в Смоленск, потом в Казань. Лечили долго, делали повторные операции. Образовался свищ, нога не заживала. Но молодость, сибирская закалка и упорство врачей принесли свои плоды. Поставили врачи Петра на ноги.

Пароход "Калинин" держал курс из Казани в Саратов. Панов направлялся в саранское артиллерийское училище. Но оказалось, что школа набрала курсантов и больше не принимала. Вернулся опять в Саратов, а там его заметил представитель с Челябинской области, который набирал танкистов. Говорит: "Пойдёшь, Панов, на механика-водителя танка учиться?" А Панов-то щий, длинный, в ответ: "Я ж в танк не войду!" "Войдёшь, ещё место для экипажа останется," - подмигнул представитель. Так Пётр попал на Урал. После учёбы дали Петру танк Т-34 для перегона на фронт. Но на фронте он и остался, не стал возвращаться в тыл. У экипажа, которому Пётр танк пригнал, убило водителя, вот Пётр его и заменил. Экипаж попался дружный, боевой. Да и Т-34- машина боевая, сильная. Так что отмахал на нём экипаж по Восточной Пруссии до самого Кенигсберга. Командир танка Кузнецов часто говорил Петру: "Молодец. Умеешь танк водить, молодой. Помни, что от тебя в бою всё зависит" Да и со стрелком экипажу повезло

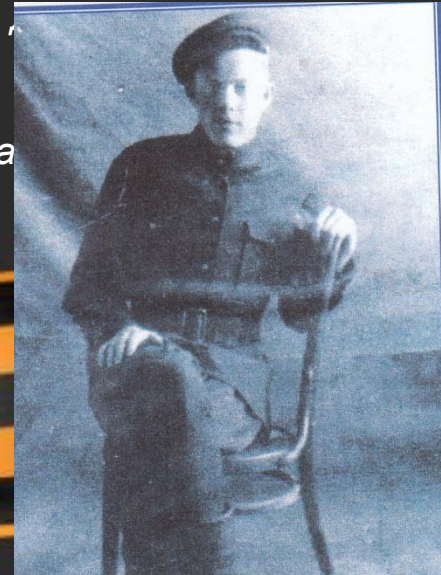
Пётр часто писал домой с фронта. Из ответных писем узнал, что в 43-м отпустили отца. Его привезли худого, чуть живого. Назначили отца присматривать за тем, как девчонки работают. Сил работать самому у него просто не было. Списались с братом Иваном. Он тоже служил танкистом. Брат Виктор служил в Манчжурии. Из дома писали, что родной деревне живётся непросто. Непосильные работы, голод, дети обовшивели. Мать Прасковья Максимовна, красавица, богатого роду, одна тянулась на семью. В годы войны на её долю выпало немало испытаний: в 42-м умер десятилетний сын, трое сыновей были на фронте. Мужа хоть и отпустили из заключения, но легче не стало, за ним самим надо было ухаживать. Работать приходилось дотемна. Снопы сушить иногда с фонарями ходили. Спать некогда было. На работе мучки дадут, в котелке воду вскипятят, кружку мучки туда засыпят - вся еда. Этой баландой и кормились. Картошку по ночам до самого снега копали. Великое счастье, если удастся по меже телёнку травки на зиму подкосить. Эти письма волновали Петра. Хотелось ещё скорее отбить родную землю, вернуться домой, помочь родным. Но до конца войны было ещё далеко...

На 6 апреля был назначен штурм Кенигсберга. Немцы яростно отбивались, но остановить наступление наших войск уже не могли, и 9 апреля город был взят. Вскоре экипажу была дана команда отогнать танки на 25 километров в тыл, отдохнуть. Но отдохнуть не удалось. Едва поставили танки, как поступила новая команда; опять в бой. Выехали, у Балтийского моря развернулись и снова в бой. Немцы отстреливались изо всех сил. В том бою танк Петра был подбит. Самого его ранило. Ребята выскочили из горящего танка и Петра вытащили. На нём живого тела не было, да ещё сильно обгорел.

Из Германии его направили в госпиталь в Каунасе. Войны здесь не было, но от пуль бандеровцев много наших ребят погибло. В Каунасе Петру сделали операцию. Из его тела извлекли 23 осколка. На левую ногу наложили гипс. Так что День Победы Пётр, встретил на больничной кровати. Как услышали бойцы о Победе, что тут началось. Начали бить чашки. Грохот, хохот, крики веселье. А самое смешное, что уцелела только 1 чашка. Ели по очереди. Пока последний раненый завтрак заканчивает, первый уже обедать начинает. В этот день в госпиталь приехали артисты с концертом. Остался Пётр один в палате. Лежит, чувствует, что боль в ноге нестерпимая. Криком, говорит, кричу. Главный врач пришёл, гипс слегка надрезал, а там кровь. Кровь тут - же полилась из надреза. Срочно в операционную унесли Петра. В ноге остался осколок. Его удалили. Легче стало бойцу. Но не все осколки смогли удалить врачи. В память о сражениях носил Пётр Иванович 2 осколка. 1 - в челюсти, 2 - в кисти руки. Они даже прощупываются на ощупь. 24 июня госпиталь эвакуировали в Иваново - Вознесенск, где Пётр пробыл до 5 октября. Самостоятельно передвигался с трудом. ,

до Москвы, посадили на поезд до Иркутска. Там еле успел на речной вокзал до Тулуна, а оттуда с последним пароходом добрался до Бали. Правда высадили Петра на остров, а уж оттуда его на лодке сплывили в родное село.

Радости родных не было границ. Судьба наградила Пановых за испытания - с фронта вернулись все 3 сына, вернулись героями, в медалях, орденах. Вспоминания о войне ещё долго не давали покоя Петру. Часто вспоминал он о войне. Сядет есть, вспоминает, что на фронте под Смоленском бывало дня по 3 не ели. Бои. Иногда хлеб с самолёта сбросят. Иногда повар оденет на себя термоса и ход

В 48 году Пётр женился на Лукерье. Вернувшись в Балю, он поразился тем, как она повзрослела и похорошела. Учились вместе, особо не замечал, а теперь, как в 41, глаз отвести не мог. Да и Луше он был по душе, вот и соединили свои судьбы.

В 1949 году курсы окончил, в новой должности начал работать. В 1950 году началось объединение колхозов, Баля присоединилось к Громам. Петра направили в громы бухгалтером, перевёз семью, опять отучился на курсах. Громы приглянулись молодой семье. Люди добрые, смешливые. Славилась Громы своими песнями. Его жители умели работать, умели и веселиться, праздники всем селом справляли. Бывало, только первый лёд тронется на Ангаре, люди на берег выйдут, жгут костры, кашу мучную наварят, уху. Старики к реке вытащатся. Считалось, что если старик до ледохода дожил - значит ещё поживёт.

Женщины в Громах Лукерью приняли, как родную, уважали за трудолюбие, незлобивый характер. Здесь родились их старшие дети. В конце 50-х узнали о затоплении Громов. Перебраться решили в Новую Куватку. Дом в Громах спалили, а дом с Бали в 1960 году

Новое село отстраивалось, росло. Пётр пошёл в колхоз бухгалтером, а с 63 года - помпотехом в гараж. Лукерья Ивановна работала разнорабочей. Поля Куватки давали богатый урожай зерновых. Баржи на Крутеньком грузили сутками, они не успевали вывозить хлеб. В 77 году Петру Ивановичу назначили пенсию, но он продолжал трудиться до 1985 года в должности учётчика тракторно - полеводческой бригады. (У Петра Ивановича и так была инвалидность, а в тот год зрение резко ухудшилось, сказались ранения. Они нарушили зрение, зубы.) в 1991 году наш ветеран совсем ослеп, практически не слышал, еле передвигался по комнате. Не все же его волновали дела в стране, в совхозе. Часами вслушивался он в маленькое радио, прикладывая его к еле слышащему уху.

Петр Иванович и Лукерья Ивановна прожили вместе 62 года. Они жили в своем, перевезённом с Бали, доме. Вырастили пятерых детей. Дети очень тепло отзываются о своём отце. Дочь Людмила и сын Анатолий поведали о том, что отец не был с ними строг, помогал делать уроки, проверял дневники, на собрания в школу ходил. Вечерами читал детям книги, поделки делал. Был заботливым отцом, очень беспокойным. Когда дочь Фая уехала в Тулун, он туда ей дрова возил. Да и в жизни он - лёгкий человек. Моложе был, любил компании, анекдоты мог часами рассказывать, играл на гармошке, так что праздники в семье Пановых были всегда очень весёлыми, так же у Петра Ивановича много замечательных внуков и

Бессилие старости - страшная штука. Обидно, что мы мало внимания уделяем нашим ветеранам, тем, кому обязаны жизнью, свободой. Современная молодёжь практически ничего не знает о подвигах своих дедов. О войне надо знать, хотя бы для того, чтобы гордиться своими земляками, предками, а не допустить

